

В комнате заметно посвежело, — пользуясь наступившей тишиной, Никанор с цыканьем на свои сапоги отправился в прихожую накинуть на плечи кофуж. Он простоял там неизвестно сколько в ожидание окрика, где пропал, что подельывает. Потребовалось зубное усилие воли для подавления соблазна — неслышно сдвинуть дверную щеколду и, с риском подомать ноги на лестнице, смыться от пригрозивших ему еще более тягостных переживаний. Уж и руку было к двери протянул, но зачем-то обернулся перед уходом на дружка и застал его в бездельной, пугающей неподвижности перед окном...

— А я думал, сбежал ты от моих излияний, — как ни в чем не бывало пошутил Вадим.

— Нет, здесь пока... В кино под выходной не попадешь, да в такую погоду все равно деваться некуда! — с успокоительным безразличием отозвался Никанор. — Не подозревал я браток, зверь какой тебе середку гложет.

— Выяснилось, Ник, что с той эшафотной вышки за минуту до всезавершающей боли ужасная свертхтекучесть мысли наступает. И тогда вдруг становится обозримой на века в обе стороны смутная действительность... причем без житейских подробностей и обозначений, а просто немая карта с отчетливой географической логикой гор и рек, климатических зон ветровых трасс и чего-то еще не известного наукам... Словом, весь набор рабочих инструментов, коими история ваяет так называемую судьбу обитающего там племени...

Высказанные в тот раз Вадимом соображения о немаловажной, среди прочих, причине застарелых невзгод российских объяснялись, наверно, его тогдашним взвихренным состоянием над пропастью, куда предстояло кануть навсегда. Когда-то суливший дружку профессорскую карьеру, Никанор с неприязнью убеждался теперь, какой взрывчаткой могли стать его ликвидаторские бредни, вызревшие в обстоятельный ученый труд. Но так же, как в детских рисунках попадаются метко подсмотренные, ускользнувшие от взрослых подробности, так и здесь сквозь явно сумеречное состояние высвечивался порой не лишенный правдоподобия диагноз исторического недуга, подсократившего долголетие России.

Тут Вадим выдал на-гора достойную поповского отпрыска самодельную теорию о враждебном, при ленивой внешности, состоянии русского мужика на железной оси его исторической судьбы. Оное состояние диктуется якобы географическим местонахождением России, обдуваемой встречными евразийскими сквозняками, в их числе — стекающим с вершин гималайских холмов фатальным смиренномудрием и вразрез ему из центральной Европы, колыбели и кладбища многих великих идей, раскаленным зноем воинствующего материализма. И будто они, подобно тому как кнутиком подстегивают детский кубарик, тангенциально закручивают Россию в вихревое состояние, способное вымахнуть ее тело из гнезда, чтобы минимум пол-Европы разнести в клочья... Получается волчок чередующихся, всякий раз с еретическим перехватом, супротивных крайностей — от староверского затворничества и сектантского богоискательства с ножевым, по живому мясу, отсечением плотских радостей до маньякальной решимости вывести род людской напролом, сквозь любую пылающую неизбежность, из ямы социальных грехов и грязи в лоно вечного благоденствия.

Русский народ в полный дых никогда и не жил, а все готовился к какому-то всеочищающему празднику свободы и братства впереди, и лишь по возникавшим время от времени вихрям бесшабашной вольности людской угадывалось — на тонкой корочке какой пучины покоится благодатный русский пейзаж. Все ждали священного часа, когда некая труба призвет их исполнить тот подвиг роковой, единственно для которого и сберегали себя десять веков. Сознательно отстранялись от суеты да временности — житейских и государственных, все равно обреченных на погребель в той огневой вспашке под священный посев свободы, правды и добра и, возможно, еще чего-то в придачу.

Исполняется 95 лет класснику нашей отечественной литературы Леониду Максимовичу Леонову — академику, Герою Социалистического Труда, лауреату Ленинской и Государственных премий, автору широко известных романов «Барсуки», «Соть», «Вор», «Русский лес», «Дорога на океан», киноповести «Бегство мистера Мак-Кинли», пьес «Нашествие», «Обыкновенный человек», «Золотая карета» и многих других произведений.

Журнал «Наш современник» отмечает юбилей писателя публикацией его нового, главного романа, над которым автор работал в течение нескольких последних десятилетий. Выход в свет романа «Пирамида» осуществляется в виде трех выпусков — приложений к журналу (их можно приобрести в редакции «Нашего современника»).

ПИРАМИДА

Кроме нескольких великих испытаний на прочность, вроде Куликовской битвы, низовая Россия никогда исторически не осознавала себя, самого имени своего не произносила в разговорном обиходе, чем и объяснялась, верно, выпавшая ей доля. Свое племенное единство русские постигали лишь в кровавых сечах да в дни чрезвычайно-этапных событий под унывно-погребальным или победно-плясовой колокольный перезвон, да еще при особом гулком, на всю страну, ударе топора по плече, то есть на глубочайшем вздохе знаменитого безмолвия в всенародного вслушивался черный люд в поступь своей истории. Так не смогла бы ни одна другая в Европе страна, где национально отрискизовавшаяся стихия заведомо отторгла бы чересчур пламенное зерно, которое по универсальной всемирности своей, ложась в борозду, сильной любой взрывчатки стерилизует почву от всей прежней, туземной, не только сорной поросли, причем на глубину в зависимости от усердия сеятеля, какого Бог пошлет, так что повторность подобного акта представляется возможной не раньше тысячелетия.

Пойдем-ка однажды, что баснословные наши инертность и леность от громадности, задним умом крепки от пространственности, а политическая подавленность от массы тяготения. Вот и приходится иной раз силу копить сто годов, чтоб поднять на супостата так называемую палицу богатырскую.

— Именно неохватная пространственность, — сказал дальше Вадим, — предопределила весь характер русских с посезонно-размашистым трудовым навыком сплеча, лишь бы управиться до близкой полугодовой зимицы, с постоянной верой в чудо и правду, со слезливым мечтаньем о небе в алмазах, с вынужденно-величавой медлительностью, ибо на Юпитере пока не сплещешь! Та же географическая громадность продиктовала и незамысловатый, ко всякой случайности приспособленный житейский обиход применительно к утрудненной русской действительности с вечной нехваткой чего-нибудь в силу физической невозможности ни поспеть всюду при наших баснословных расстояниях, ни докричаться до царя земного, как и небесного, сквозь такие даль и высоту. С их головокругительных вершин, потребных для обозрения подвластного хозяйства, дни благоденствия и печали распознаются разве только по отсутствию или наличию дымов, застилающих горизонт, людишки же внизу как бы подразумеваются. Отсюда недолжка всего нашего обихода: сразу в красный угол из-под топора. Отсюда каждые два века роковой прыжок через очередной исторический ров и полвека лежки потом с поломаюгой ногой. Так и жили: при непочатых сундуках сказочного добра, абы урожаишко на прокорм семьи наскрести.

Те же безумные пространства протяженностью в четырнадцать суток Транссибирской магистрали, создавшие национальный характер наш с его непритязательным умением уживаться в любых условиях с вопиющей иногда небрежностью к роковым мелочам, по толкованию Вадима Лоскутова, стали причиной и правящего деспотизма, неизбежного будто бы во всякой России с ее чудовищной центробежной тягой при малейшей психосейсмической подвижке. Отсюда и происходило всегдашнее у нас полицейское небрежение к

жителю и кормильцу, опасному и грозному в войне, в будни же именуемому обывателем. Да ведают потомки, что абсолютные режимы будут и впредь порождаться территориальной протяженностью державы, где авторитет власти достигает окраин не иначе как в ореоле ужаса. От века не мы владели нашим пространством. Оно безраздельно владело нами. И так как единственный способ избавиться от врагов состоит в добровольном осмысленные неотложных нужд соседа, именно здесь завтрашняя Россия, если уцелеет, покажет пример миру...

Так выясняется, что география с помощью истории творит не только внешний облик или характер племени, но и национальную идею, и вот в стремлении к спасительной всеобщности русские взвалили на себя жертвенную ответственность за всех униженных и оскорбленных — последнее время даже в ущерб своей репутации, вплоть до готовности полностью раствориться в океане боли людской, что, видимо, и удачи нам прежде всего. Полистай в памяти события прошлого века и убедишься, что хитрецы и взяли нас именно на эту всемирность нашу.

— Э, браток, аж дух замирает, какую ты рокировку удумал! — неприязненно заворчался Никанор, и все под ним заскрипело. — Так и быть, я забуду, но и ты вслух такое не болтай. Сколько воронья кругом расселось, глаз не сводит, а ты их экой крупной приманиваешь: враз раскляют...

— В отличие от других империй, наше продвижение на Восток не было намерением грабежа, территориальной любознательностью к тому, что плохо лежит. Нам и без того не было тесно здесь. Опять же на тогдашнем уровне колониальной эксплуатации туземного яска в виде пушнина, диких медов да старательского золотища, верно, хватало лишь на харчи да праздничную чарку водки для раскиданных по глуши гарнизонов. В отличие от чингисхановых полчищ, нигде в летописях не сказано о несметных армиях Ермака. Нас втягивал туда громадный, никому не посильный для освоения континентальный вакуум образовавшийся после почти вулканического взрыва монгольского. Не было военного завоевания Сибири, но было совершенное русскими Ермаками ее географическое открытие. Туда шли по следу соболю, по слову летописца, удалцы и молодцы шли, а не злодеи. Как при завоевание обеих Америк... Это мы проложили на картах знаменитые реки Сибири...

— Не нравится мне, браток, твоя кустарная самодельщина — объяснить географическим аспектом все случившееся потом... но я слушаю тебя!

— Так вот, как потомок я не отвечаю за участь островков, что на обратном пути в уже долговременное азиатское затишье поглотила наша стихийная же откатная волна. Как видно из нынешних обстоятельств, не все в исторических судьбах зависит от воли людской. Вместо ожидаемого прибытка хозяева нажили разорительную заботу — во установление равномерной политической погоды возвести над страной единую государственную кровлю. Отсюда и житейская скудость коренного населения, и неполноценное историческое самосознание из-за островной же изреженности его на сверхкритическом пространстве, затрудняющем общенациональную переключку. Но, значит, к началу прошлого века обострилось в нас смутное предвиденье, что подобно тому, как набухшее зерно рвет трюмную оболочку, так и пробудившиеся по ходу всемирного развития колониальные племена при малейшем ослаблении России выйдут на волю из ее истончившейся утробы. И так как империи добровольно не мирятся с отторжением своих территорий, то умы принялись за поиски иного, достаточно надежного обруча, чтобы сохранить исторический организм от распада. В то время как Запад жил полнокровной жизнью, русские собирались жить, придумывая лучшую конструкцию человеческого существования.

— Вон куда загибаешь, Вадим! — головой покачал гость. — Берегись, там яма бездонная...

Леонид Леонов Маккензи-Вилл

19.5.94.